

ФЕНОМЕН ЖЕРТВЫ В КУЛЬТУРЕ / THE PHENOMENON OF VICTIM IN CULTURE

Юрий Анатольевич РАЗИНОВ | Дарья Михайловна ШЕХОВЦЕВА / Yuriy RAZINOV | Darya SHEKHOVTSEVA
| Желание и жертва / Desire and Sacrifice |

Юрий Анатольевич РАЗИНОВ / Yuriy RAZINOV

*Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, Самара, Россия
 Кафедра философии
 Доктор философских наук, профессор*

*Samara National Research University, Samara, Russia
 Department of Philosophy
 Doctor of Science in Philosophy, Professor
 razinov.u.a@gmail.com*

Дарья Михайловна ШЕХОВЦЕВА / Darya SHEKHOVTSEVA

*Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, Самара, Россия
 Кафедра философии
 Аспирантка*

*Samara National Research University, Samara, Russia
 Department of Philosophy
 Postgraduate Student
 damsha-91@mail.ru*

ЖЕЛАНИЕ И ЖЕРТВА

В статье проблематизируется понятие жертвенности в контексте общества потребления и выявляется противоречивость самой жертвенной установки. Проблема жертвенности тематизируется в аспекте желания. Жертва трактуется как жертва желанием, в связи с чем анализируются аскетическая и гедонистическая традиции «возделывания желания». Выявляется внутреннее противоречие обеих стратегий.

На основании феномена терпения, вводится метафора «людей длинной воли» и противопоставляются «терпеливое» и «нетерпеливое» желание.

Либидинальная экономика рассматривается во взаимной проекции с экономикой капитализма.

Ключевые слова: жертва, желание, терпение, аскеза, длинная воля, аскетизм, гедонизм, капитализм.

DESIRE AND SACRIFICE

The notion of sacrifice in context of consumer society is discussed and, as a result, sacrificial attitude is shown to be internally contradictory. The problem of sacrifice is thematized from the desire aspect. The sacrifice is understood as desire sacrifice and, accordingly, ascetic and hedonistic traditions of "desire cultivation" are analyzed. Internal contradictions of both strategies are revealed.

A metaphor of "long will people" is introduced on the basis of patience phenomenon and "patient" desire is opposed to "impatient" one.

Libidinal economy is considered as compared to economics of capitalism.

Key words: sacrifice, desire, patience, asceticism, long will, hedonism, capitalism.

ФЕНОМЕН ЖЕРТВЫ В КУЛЬТУРЕ / THE PHENOMENON OF VICTIM IN CULTURE

Юрий Анатольевич РАЗИНОВ | Дарья Михайловна ШЕХОВЦЕВА / Yuriy RAZINOV | Darya SHEKHOVTSEVA
| Желание и жертва / Desire and Sacrifice |

С друзьями надо делиться,
когда самому не хочется.

Арте́м Р. (4 года)

Тема жертвы в современном дискурсе набирает обороты. Мы рассматриваем это как один из симптомов кризиса общества потребления. Симптом же – это не просто признак. Это такое явление, в котором скрытое противоречие выходит наружу, объявляя себя как признак чего-то отрицательного, «нехорошего»¹. Симптом – это патологическое явление в системе значащих связей, указывающее на внутреннее противоречие и разрыв в системе. По определению С. Жижека, симптом – это «особый вид, разрушающий свой род»². Симптоматика жертвенного дискурса обусловлена двумя сериями противоречий. Первое более очевидно: субъект общества потребления, совершая «пожертвования», не желает жертвы. Второе менее очевидно: не желая жертвовать, он все же бессознательно влечется к жертве.

Как такое может быть? Ведь очевидно, что идея жертвенности находится в открытом антагонизме с базовой установкой консьюмеристского общества – потреблять. Потребление здесь – не просто основание экономической системы («экономики потребления»), а идеология и образ жизни. Идеология общества потребления стимулирует потребление, формируя соответствующий набор «стимулов» и «реакций». Оно доводит само *желание* потреблять до извращенной и непристойной формы «потреблядства». Именно так – прибегнув к inferнальному слову русского языка – переводчик книги «Affluenza. The all-consuming epidemic» коннотирует термин «потребление»³.

Проблема заключается в том, что в системе, где базовой ценностью является потребление, любая нужда, любое ограничение или самоограниче-

ние легко определяются в терминах жертвы. «Я пожертвовал ради тебя футболом!», «а я два часа простояла возле плиты» – так исполнение обыкновенных бытовых ролей окрашивается в образы великой жертвы. Подобные «жертвы» особенно смехотворны в масштабе той жертвенности, которая была свойственна древним сообществам. Жертва здесь имела сакральный смысл и была связана с идеей *служения*. Например, весталки – избранные до наступления половой зрелости жрицы богини Весты – жертвовали брачным союзом и обязывались в течение тридцати лет хранить целомудрие. Жертва, приносимая весталкой, была практически длинной в жизнь, поскольку освобождалась она от своего служения приблизительно к сорока годам⁴.

Примеров жертвенного служения в истории великое множество. На их фоне современная практика благотворительных пожертвований кажется мелочным оправданием – тем более мелким, чем громче звучит жертвенная риторика. Это выглядит странно, но это легко объяснимо. *Гиперсигнификация жертвенности – симптом ее недостаточности*. Чем меньше и меньшим жертвуют, тем больше говорят о жертве. Особенно это справедливо в отношении самопожертвования. Ведь если кто-то жертвует чем-то *сам*, то откуда уверенность, что не *ради себя самого*? Известен же феномен эгоистической материнской жертвенности, когда воздаяние ребенку есть превращенная форма воздаяния себе.

В этой связи обращает на себя внимание тот факт, что поборники доктрины «свободы от детей» (childfree) замечены в усиленной благотворительности на ниве домов ребенка. Не является ли это следствием отказа от семьи как от традиционной сферы жертвенной заботы о ближнем? Childfree не хотят детей, потому что те требуют постоянной заботы, а это мешает карьере, нацеленной на создание условий для личного потребления.

¹ Симптом от др.-греч. σῑμπτῶμα «приключение, случай, несчастье».

² Жижек С. Возвышенный объект идеологии. М.: Художественный журнал, 1999. С. 29.

³ Де Граф Д., Ванн Д., Нэйлор Т.Х. Потреблядство: Болезнь, угрожающая миру. М.: Ультра. Культура, 2003. 392 с.

⁴ Авл Геллий сообщает, что «нельзя брать девочку моложе шести лет и старше десяти лет от роду». Авл Геллий. Аттические ночи. Книги I-X / пер. с лат. под общ. ред. А.Я. Тыжкова, А.П. Бехтер. СПб.: ИЦ «Гуманитарная академия», 2007. С. 54.

Кроме того, воспитание детей мешает досугу, опять таки, сведенному к потреблению. Карьера и досуг – вот те божки капитализма, которым приносятся в жертву семья и ребенок. В интервью газете «Комсомольская правда» К. Собчак заявила: «Я не люблю маленьких детей, я не хочу жить семьей в ее классическом понимании. Эти ценности не для меня!<...> Я считаю, что капитализм – лучший контрацептив, когда у тебя нормальная жизнь, работа, образование, деньги и возможности, то у тебя абсолютно нет желания эту жизнь тратить на пеленки, борщи и прочие удовольствия»⁵. Слово «удовольствие» редактору следовало бы заключить в кавычки, так как «пеленки» и «борщи» явно не входят в потребительскую корзину «золотой молодежи».

Не по той же причине – распада семьи – ширятся всевозможные волонтерские движения, где в роли «ближних» оказываются не собственные дети, а сироты, не родители, а контингент дома престарелых, не домочадцы, а случайные прохожие, с которыми теперь можно «благотворительно» пообщаться на центральных улицах европейских столиц? Интернет-перевод на счет благотворительной организации сегодня отнимет пятьдесят минут, а фотосессия светской львицы для «квартального отчета» из приюта для детей, стариков или инвалидов – всего лишь пару часов. Представители «среднего класса», хотя и жертвуют без светской помпы, но делают это с тем же мотивом – мотивом оправдания перед лицом более значимых жертв. Сегодня в социальных сетях наблюдается бум благотворительности в отношении бродячих животных. Но не является ли это скрытой индугенцией за то отчуждение, с которым человек сталкивается в своем ближнем кругу?

Возникает вопрос: являются ли благотворительность и волонтерские движения вообще формой жертвенности? Или это компенсация эгоизма и превращенная форма связи атомизированных субъ-

ектов? Волонтерские организации растут как на дрожжах. Они проникают практически во все сферы жизни, включая интимные. Стоило только вообразить такую возможность, как тут же появилось движение секс-волонтеров. Подобные новшества заставляют всерьез задуматься не только о сущности жертвы, но и о природе благотворительности и волонтерского движения с учетом того размаха, которое они приобрели в обществе потребления.

Консьюмеристская мораль повторно девальвирует понятие жертвы, распространяя его на круг явлений, которые в прошлом определялись как «роковое стечение обстоятельств», «судьба», «несчастный случай». В список жертв информационных сводок сегодня автоматически попадают участники автокатастроф, техногенных аварий, погодных катаклизмов, бандитских нападений и прочих событий, связанных с естественным порядком вещей. Более строгий юридический лексикон квалифицирует таких субъектов как «потерпевших», что указывает на то, что не всякий потерпевший – жертва.

По сути мы заметили, что эмиссия жертвенности соответствует формуле нехватки: *чем более (жертва), тем менее (жертва), тем не менее (жертва)*⁶. С этим «тем не менее» нам и предстоит разобраться. Спрашивается, в каком отношении даже ничтожная жертва *тем не менее* жертва?

Ответ, кажется, лежит на поверхности – в отношении желания. Нельзя ведь пожертвовать тем, чего сам не желаешь, к чему сам равнодушен. Связь желания и жертвы обусловлена простым обстоятельством: *все мы желаем и все мы приносим в жертву свои желания*. По существу всякая жертва есть жертва желанием.

По этой причине самоубийца, движимый желанием свести счеты жизнью, не является жертвой, хотя при определенных условиях и может быть назван «жертвой обстоятельств». Прежде всего он не является *жертвователем*, поскольку реализует свое желание – желание смерти, равное не-

⁵ Ксения Собчак: «Семья и дети мне не нужны!» // Комсомольская правда. 2008. URL: <https://www.samara.kp.ru/daily/24139.3/357191/> (дата обращения: 19.10.2017).

⁶ См.: Разинов Ю.А. Я как объективная ошибка. Самара: Универсгрупп, 2006. 262 с.

ФЕНОМЕН ЖЕРТВЫ В КУЛЬТУРЕ / THE PHENOMENON OF VICTIM IN CULTURE

Юрий Анатольевич РАЗИНОВ | Дарья Михайловна ШЕХОВЦЕВА / Yuriy RAZINOV | Darya SHEKHOVTSEVA

| Желание и жертва / Desire and Sacrifice |

желанию жизни. Так же и альпинист, срывающийся с горы, не является жертвой. Его даже нельзя назвать «жертвой обстоятельств», ибо такие обстоятельства заранее имеются в виду. Альпинист не жертвует жизнью, а ею рискует, причем рискует во имя обострения чувства жизни, то есть опять таки ради желания жить.

На основании желания различаются *дар* и *жертва*.

Дарить можно и то, чего сам не желаешь. Важнее в дарении идти навстречу желанию *другого*. Даже если дар в желание *другого* не попадает (не угадал с подарком), он все равно априори предназначен для такого попадания.

Иное дело жертва. Жертвующий отдает то, чего ему самому не хватает. Если дар – это феномен *щедрости*, то жертва, очевидно, – феномен *нужды*. Жертва происходит из нужды и приносится с целью восполнения нехватки. Парадокс жертвы состоит в том, что отчуждение и растрата производятся во имя обретения чего-то. «Ибо кто хочет душу свою сберечь, тот потеряет ее; а кто потеряет душу свою ради Меня, тот сбережет ее» [Лук. 9:24]. Даже если речь идет о наиболее отчужденной форме пожертвования, когда в жертву приносится *другой* или *чужой*, то все равно – это жертва в целях *восполнения*, во имя того, чего нет или не хватает. Иными словами, «просто так» не жертвуют. Тем более, не жертвуют от полноты бытия. От полноты бытия одаривают.

Жертва, как и дар, респонзивна. Она предполагает ответное воздаяние. Она не может состояться в одиночестве. Это всегда жертва кого-то кому-то, жертва одним ради другого. Тот, кому предназначена жертва (бог или человек), должен быть открыт для нее. Иначе жертва невозможна. Поэтому в феномене «бесцельной» или «бессмысленной» жертвы мы имеем дело с деградацией феномена жертвенности.

Итак, жертвуя чем-либо, мы жертвуем желанием – своим или чужим.

С другой стороны, жертва желанием сама должна быть желанной.

Это то великое желание, которое в буддистской традиции называется *хотением нехотения*. Путь избавления от страдания связан с отказом от мирских желаний, но этот отказ должен быть мотивирован. Этим мотивом является желание, которое в редуктивной цепочке желаний оказывается *последним*. В этой традиции на вопрос, «каково ваше последнее желание?», единственно верным ответом будет: «хочу не хотеть».

И все таки хотеть нехотения – это все же хотеть, но совершенно иным образом. Такое хотение направлено не на *предметы*, в которые желание себя вкладывает, в которых оно себя растрчивает, а порой и вовсе обесценивает. Оно направлено на *отношение* к предметам и тем самым – на саму интенцию хотеть. Такая жертва желанием имеет целью его *возвышение*. Такой жертвой создается не просто «возвышенный объект», а именно объект *возвышенного желания*. Об этом откровенно свидетельствовал Аврелий Августин: «Внутри у меня был голод по внутренней пище, по Тебе Самом, Боже мой, но не этим голодом я томился, у меня не было желания нетленной пищи не потому, что я был сыт ею: чем больше я голодал, тем больше ею брезгал. Поэтому не было здоровья в душе моей»⁷.

В обеих традициях – и в буддизме, и в христианстве – речь идет о духовной работе с желанием. В такой работе заключены две практики – гедонизм и аскетизм. Цель гедонизма – *желать желание* и умножать его посредством частичной жертвы. Цель аскетизма – *желать нежелание* и через жертву желанием упражняться в нем.

Обоим практикам свойственно *терпение*.

Терпение есть расширение зазора между «стимулом» и «реакцией»⁸. Страстотерпец жертвует сиюминутным желанием ради чего-то большего. Но так же и «терпила» живет в зазоре между нуждой и удовлетворением. В ироническом ключе оба

⁷ Блаженный Августин. Исповедь. СПб.: Наука, 2013. С. 30.

⁸ См.: Пигров К.С. Желание как терпение // Философия желания: Сборник статей. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2005. С. 113–116.

ФЕНОМЕН ЖЕРТВЫ В КУЛЬТУРЕ / THE PHENOMENON OF VICTIM IN CULTURE

Юрий Анатольевич РАЗИНОВ | Дарья Михайловна ШЕХОВЦЕВА / Yuriy RAZINOV | Darya SHEKHOVTSEVA
 | Желание и жертва / Desire and Sacrifice |

могут быть названы «потерпевшими» – «притерпевшимися» или «долго терпящими». Жертва желанием – это тот случай, когда терпящий и потерпевший совпадают в одном лице.

Обычно, когда говорят о жертве желанием, то имеют в виду *аскезу*.

Греческое *ἀσκήω* означает «упражнять», а в более раннем смысле «обрабатывать». Упражняться в желании или нежелании – значит обрабатывать желание, как обрабатывают камень или возделывают почву. Возделывать желание – значит подчинять его замыслу и воле. В этом отношении гедонизм не отличается от аскетизма. Гедонист культивирует воздержанность так же, как и аскет. Задержка желания здесь является элементом стратегии, а всякая стратегия есть проявление воли и дисциплины. Поэтому представление гедонизма в качестве спонтанного удовлетворения желания так же ошибочно, как и представление аскетизма в качестве стратегии избавления от желаний. Разница только в том, что в случае гедонизма воздержание направлено на получение *прибавочного* наслаждения, а в случае аскетизма – формально на его *затухание*. Однако на практике аскетическое самоограничение часто оказывается превращенной, а иногда извращенной, формой капитализации наслаждения, то есть наращивания его спекулятивной составляющей. Достаточно привести пример сокрушительной разрядки спекулятивно «нагретого» желания в повести Толстого «Отец Сергей».

Таким образом, и гедонизм, и аскетизм – это различные стратегии *культивирования желания*, где жертвенность и терпение являются базовыми принципами «экономики желания», где соединяются воля и желание. Русское слово «удовольствие» этимологически содержит эту связь. Между этими стратегиями можно выстроить диалектическое отношение: гедонизм включает в себя диалектический момент воздержания от спонтанной разрядки желания, аскетизм – его бессознательное накопление. Как всякие противоположности, они переходят друг в друга. Цель аскета – *опустошение желания* – быстрее достигается гедонистом: удовлетворил желания и пуст. Цель ге-

дониста – *наращивание желания*, – напротив, быстрее достигается в аскетизме – в откладывании и «складировании» желания в качестве нерастраченного сокровища. Всякая же стратегия есть произведение *длинной воли*.

Возникает вопрос, чья воля длиннее: гедониста или аскета?

Навскидку кажется, что воля аскета длиннее, т.к. подавлять желание значительно труднее, нежели его удовлетворять. Но думая так, мы правы только отчасти, пока характеризуем спонтанное, то есть «нетерпеливое» желание. Но что, если речь идет о наращивании желания в условиях его периодической разрядки? Кажется, что путь аскета, который одним волевым решением отрезает себя от предметов желания, кажется легче и проще. В самом деле, что сложнее в логике капитала – простое накопление, или накоплении на фоне траты? Очевидно, что второе. Аскет радикально упрощает «машину желания», редуцируя ее к элементарным потребностям. Он обрезает желание и терпит. Да, терпение не просто, но как просто быть «терпимой». Жить в трущобах потребления в известной мере проще, чем во дворце желаний.

Между тем, простота здесь только внешняя: аскет отгораживается от желаемых предметов, то есть от *желанного*, но не от самого *желания*. Он хочет держать желание на коротком поводке воли, однако способен пропустить тот миг, когда цепной пес страсти срывается с поводка. Он слишком укорачивает поводок, в то время как гедонист периодически его ослабляет, давая желанию гулять на удалении и позволяя ему забредать на неподконтрольные территории. Однако и он должен вовремя натягивать поводок и этим создавать *напряжение* в желании.

Желание – это натянутый лук. Чрезмерное напряжение тетивы может сломать лук, чрезмерное ослабление может привести к тому, что желание не «выстрелит» (куда-то пропадет). Все это – темы, известные со времен платоновского «Пира». Чтобы двигаться дальше следует выйти за пределы дихотомии гедонизма и аскетизма, понятых в качестве стратегий «желания» и «нежелания», и рассмот-

ФЕНОМЕН ЖЕРТВЫ В КУЛЬТУРЕ / THE PHENOMENON OF VICTIM IN CULTURE

Юрий Анатольевич РАЗИНОВ | Дарья Михайловна ШЕХОВЦЕВА / Yuriy RAZINOV | Darya SHEKHOVTSEVA
| Желание и жертва / Desire and Sacrifice |

реть другую оппозицию – «терпеливого» и «нетерпеливого» желания.

Если волю понимать как *возделанное желание*, то терпение – это феномен *длинной воли*. Соответственно, нетерпеливость – это феномен *короткой воли*.

Выражение «длинная воля», столь любимое некоторыми философами, впервые упоминается в монгольской хронике 1240 года. «Сокровенное сказание»⁹. Хроника повествует о завоеваниях Чингисхана, где «людьми длинной воли» названы его воины – соратники, которые, отрешившись от мирских благ и удовольствий, посвятили себя долгосрочному проекту – строительству великой империи. Этот термин впоследствии акцентировал Л. Гумилев, который увидел в «людях длинной воли» ярко выраженную пассионарность¹⁰. «Люди длинной воли» – это не просто завоеватели, промышленные добычей сегодняшнего дня. Это строители империи, а империи строятся на века. В этом отношении Александр Македонский, чья империя развалилась сразу же после окончания его короткой жизни, вряд ли может быть назван «человеком длинной воли». Им руководило желание славы «здесь и сейчас», то есть нетерпеливое желание.

Способность к терпению характеризует зрелого человека, который руководствуется *хотением*, а не *прихотью*. Терпение живет в пространственно-временном горизонте «там» и «потом», ибо «человек длинной воли» подчиняет свои желания долгосрочным проектам. Он, как правило, *зачинатель*, не способный завершить свой проект в силу скоротечности жизни и долгосрочности самого проекта. Об этом сказано в стихах Н. Кончаловской, положенных на музыку Э. Артемьева, «О корабле»:

Лодку большую прадед наш
Решил построить для внуков,
Строил всю жизнь!
Но не достроил ее тот прадед наш –
Оставил нашему деду.
Ждали мы этой лодки –
не дождались...

И так от поколения к поколению, когда, наконец, в финале «из дедовской лодки вырос корабль», и отдаленный потомок говорит своему сыну напутственное слово: «А в дорогу возьми с собою / веру мою / в счастье твое».

«Вера моя в счастье твое» – это, безусловно, романтическая дефиниция жертвенности, но с очевидным христианский ароматом, поскольку означает самоотверженность в пользу другого. Самопожертвование вообще – высшая форма жертвенности. Однако оно не всегда является жертвой во имя другого. Самоотверженность может оказаться превращенной формой эгоизма, когда она служит *собственному желанию вопреки желанию другого*. К. Льюис описывает такое явление как феномен «упоения жертвой»:

«Я вспоминаю миссис Скорби, умершую не так давно. Семья ее на удивление посвежела. Муж не глядит затравленно и даже иногда смеется. Младший сын оказался не таким уж мрачным. Старший, который только спал дома, теперь никуда не ходит и трудится в саду. Дочь, которую считали «болезненно-хрупкой», ездит верхом, танцует ночи напролет, а днем играет в теннис. Даже собака бегаёт по улице и знает с другими псами. Миссис Скорби часто говорила, что живет для семьи. Она не лгала. Все у нас знали, что так оно и есть»¹¹.

Однако все, что миссис Скорби делала «для семьи», она делала *для себя* и так всех доставала своей никому ненужной заботой, что все облегченно вздохнули, когда она умерла. «Остановить ее никто не мог. Но родные, люди хорошие, не могли

⁹ Козин С.А. Сокровенное сказание. Монгольская хроника 1240 г. Т. I. Введение в изучение памятника. Перевод, тексты, глоссарии / Труды ин-та востоковедения. Т. XXXIV. М.-Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1941. 620 с.

¹⁰ Гумилев Л.Н. От Руси к России. М.: Айрис-пресс, 2003. 318 с.

¹¹ Льюис К. Ст. Любовь. Страдание. Надежда: Притчи. Трактаты. М.: Республика, 1992. 432 с.

ФЕНОМЕН ЖЕРТВЫ В КУЛЬТУРЕ / THE PHENOMENON OF VICTIM IN CULTURE

Юрий Анатольевич РАЗИНОВ | Дарья Михайловна ШЕХОВЦЕВА / Yuriy RAZINOV | Darya SHEKHOVTSEVA
| Желание и жертва / Desire and Sacrifice |

ленился, пока она трудится. Они ей помогали – помогали ей делать для них то, что им не было нужно. Собаку она тоже изводила, но та, за отсутствием совести, все же вырывалась на помойку или к соседу-псу»¹².

«Неблагодарные свиньи! Эгоисты! Я все делаю для вас!» – такую формулу «жертвенности» мы часто встречаем в быту. Однако она не должна вводить в заблуждение, ибо крупницы «здорового» эгоизма иногда важнее, чем упоение навязчивой жертвенностью. Как иронично замечает К. Льюис в другом месте, «если бы люди знали, сколько злых чувств вызывает самоотверженность, они бы не проповедовали ее так пылко»¹³.

Позиция миссис Скорби, говоря сартровскими диалектизмами, есть не что иное, как *бытие-для-себя* в *бытии-для-другого*. В таком, по сути садомазохистском, самоотречении производится *прибавочное наслаждение*.

Категория «прибавочного наслаждения», введенная Ж. Лаканом, является психоаналитической калькой «прибавочной стоимости» как основной категории экономического анализа капитализма. В XVII семинаре Лакан приравнивает прибавочную стоимость и прибавочное наслаждение, имея в виду, что отречение от некоторых видов удовольствия производит прибавочное удовольствие, то есть приводит к его капитализации. Проекция заключается в том, что материальная капитализация так же связана с отказом от *текущего* потребления во имя *будущего* потребления. Капиталист отказывается от удовлетворения части потребностей с целью увеличения оборотного капитала. И в этом смысле он терпит, особенно в период так называемого «первоначального накопления». А вместе с ним терпит все его семейство, которое капиталист лишает тех или иных форм удовольствия. Капитал ведет себя так же, как Отец или господин в психоаналитическом дискурсе.

В эдипальном конфликте Отец налагает запрет на удовольствие, которое ассоциировано с

телом матери, и тем самым производит чувство *вины*. Тоже самое происходит в экономике капитализма с той лишь разницей, что вина, которая возникает как эффект запрета на удовлетворение желания, здесь приобретает экономическую форму *повинности*. Повинность – это вина экономического субъекта. Она опредмечена в виде капитализируемой прибавочной стоимости, амортизации средств производства, различных видов налога, таможенных пошлин, пенсионных сборов, страховых выплат, и прочих взысканий и отчислений. Чем выше уровень налогового бремени, тем выше степень вины предпринимателя. Он виноват перед государством, которое взимает налоги, он виноват перед банками, у которых берет кредит, он виноват перед коллекторскими агентствами и бандитами, которые требуют возвращения долгов. Он снова виноват перед всеми ними, потому что вынужден хитрить и обманывать. Наконец, он бесконечно виноват перед семьей, которая становится заложником его повинности. В современной долговой экономике он – виноватый в долг.

Термин «экономика желания» восходит к Фрейду, который на волне «экономизма» стал использовать его для описания механизмов бессознательного. Этот термин впоследствии активно использовали такие авторы, как Ж. Лакан, Ф. Лиотар, Ж. Бодрийяр, С. Жижек и др. В общем смысле перечисленные авторы имели в виду то, что желание структурировано отношениями *производства* и *обмена*, *присвоения* и *отчуждения*, *накопления* и *растраты*. Подобно материальному капиталу, желание может быть инвестировано в привилегированные объекты, а инвестиции могут иметь долгосрочный или краткосрочный характер.

В любом из видов вложений вкладчик жертвует сиюминутным желанием для того, чтобы капитализировать его и снять дивиденд, который Ж. Лакан и называл прибавочным наслаждением. Причем, чем дольше отсрочка в исполнении желания, тем выше премия за отсрочку. Разве не о такой экономике желания говорит Б. Гребенщиков?

¹² Льюис К. Ст. Указ. соч. С. 227.

¹³ Там же. С. 59.

ФЕНОМЕН ЖЕРТВЫ В КУЛЬТУРЕ / THE PHENOMENON OF VICTIM IN CULTURE

Юрий Анатольевич РАЗИНОВ | Дарья Михайловна ШЕХОВЦЕВА / Yuriy RAZINOV | Darya SHEKHOVTSEVA
| Желание и жертва / Desire and Sacrifice |

Я был привязан к земле,
Я молча глотал свои слезы;
Но то, что я нес на себе,
Теперь горит в пламени Розы;
А те, кто снимал дивиденд –
Я помню, как они улыбались –
Они думали, что все это им;
Похоже, что они ошибались.
14 лет я не ел;
14 лет я не пил;
14 лет молчал,
Чтобы не тревожить Тебя.
Теперь мне стал узок причал
И нет больше сил;
Я сделаю так, как хотел,
Чтобы растащить Тебя¹⁴.

Подобная жертва желанием, хотя и связана с действием *длинной воли*, все же имеет в виду собственную, пусть даже и символическую, прибыль. Поэтому законен вопрос: а является ли жертва наслаждением ради прибавочного наслаждения жертвой в собственном смысле?

По крайней мере, в одном отношении она таковой является. Это жертва временем.

Жертва временем лежит в основании капитализма. Как уже было сказано, капитал есть продукт труда, перенесенный в будущее потребление. И чем дальше горизонт этого будущего, тем значительнее фактор *длинной воли*.

Одним из самых трудных и жертвенных проектов *длинной воли* является индустриализация. В отличие от спекулятивного капитала с его быстрым оборотом денег, период оборота капитала в тяжелой промышленности примерно равен одному поколению. В логике отложенного потребления это требует либо протестантской аскезы, либо ограбления колоний или села. В практике промышленных революций имело место сочетание этих мер. Индустриализация в принципе не возможна без перераспределения средств между городом и де-

ревней, между колонией и метрополией. Именно таким «несправедливым» перераспределением валового продукта вызваны национально-освободительные, гражданские и мировые войны эпохи капитализма, начиная с так называемого процесса «огораживания» в Англии и заканчивая гражданскими войнами во Франции, США и России. Везде это требовало великих и многократных жертв.

Напротив, нетерпеливое желание не терпит жертвы. Оно живет в горизонте «здесь» и «сейчас». Его стихия – бунт. Именно поэтому маленький ребенок не понимает значение слова «потом». Для него оно фактически означает «никогда», так как «потом» у него будет уже другое желание. Ребенок так же не терпит слова «нет», поскольку именно этим словом прерывается его желание.

Нетерпеливое желание – характеризует не только ребенка, но и истерика. В. Ленин, словно бы понял эту связь, когда написал статью «Детская болезнь левизны в коммунизме»¹⁵. Он адресовал ее истерическому крылу РСДРП, которое мечтало о мировой революции «здесь и сейчас». В этой же статье Ленин наметил проект госкапитализма, который потом реализовал И. Сталин. Экономика социализма построена по тому же принципу капитализации прибавочной стоимости, только основным субъектом этой капитализации здесь выступает не частный собственник, а государство. По этой причине противопоставление капитализма и социализма давно утратило смысл. Оно окончательно его утратило с победой капитализма в коммунистическом Китае.

Проблема современного капитализма, таким образом, заключается не в противостоянии «двух систем», а во внутренних противоречиях между индустриальным и финансовым капиталом, которые по разному формируют сферу желаний. Современный капитализм с его философией быстрых инвестиций и «коротких денег» все стремительнее ввергается в воронку турбокапитализма,

¹⁴ Слова из песни «Забодай».

¹⁵ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 41. М.: Политическая литература, 1981. С. 1–104.

ФЕНОМЕН ЖЕРТВЫ В КУЛЬТУРЕ / THE PHENOMENON OF VICTIM IN CULTURE**Юрий Анатольевич РАЗИНОВ | Дарья Михайловна ШЕХОВЦЕВА / Yuriy RAZINOV | Darya SHEKHOVTSEVA**
| Желание и жертва / Desire and Sacrifice |

для которого характерны быстрый оборот капитала и опережающее потребление¹⁶. Это капитализм, в котором большая доля капитала обращается вне реального сектора экономики – в виртуальном пространстве, а капитал освобождается от государственных и национальных границ. При этом прибыль аккумулируется за пределами государства в оффшорах, а риски и издержки делегируются государственным структурам, а те, в свою очередь, переносят их на гражданское общество. Таким образом, если раньше значительная часть капиталистической элиты сгорала в кризисах перепроизводства, то теперь элита использует государство для решения своих частных проблем, что является вопиющим парадоксом либертарианской модели. Следовательно, сама система глобального финансового капитализма порождает беспрецедентную

безответственность элит, выкорчевывая из ее среды «людей длинной воли».

Одновременно с этим формируется столь же безответственный субъект общества потребления. Это нарциссический тип потребителя – «человек короткой воли», который стремится удовлетворить свои желания «здесь и сейчас», а не «там и потом». Он желает и живет в кредит, а ответственность за реализованные желания переносится на потомков. Таким образом, на смену Эдипа, как фигуры вины, приходит Нарцисс, как фигура удовольствия. В этом новом-старом субъекте в форме опережающего потребления реализуется нетерпеливое желание. Если предположить, что такая модель капитализма, основанного на стимулировании потребления, зашла в тупик, то в ближайшие десятилетия стоит ожидать усиления риторики жертвенности и ее пропаганды.

¹⁶ Термин «турбокапитализм» введен в оборот американским экономистом Э. Люттваком.

